

Господин Гуд, видя, как два человека – один с оцепеневшим взглядом, другой со внезапно застывшей улыбкой – устали друг на друга, сразу почувствовал, что в воздухе повисло что-то неладное. Он недоумённо прокашлялся, пытаясь разрядить обстановку:

— Эм? Гаэр, а почему ты не рассказал мистеру Смиту...

Но тут губы Альдо едва заметно дрогнули, и он произнёс почти неслышимым, едва ли не воздушным шёпотом:

— Карл... Карлос.

Господин Гуд: «...»

Альдо вдруг понял, что ему стало трудно отличить реальность от видения. Он собрал последние остатки рассудка, чтобы убедить себя: этого не может быть. И в то же время боялся, что если заговорит громче, этот чудесный сон рассеется.

Но этот едва слышный шёпот, будто сонное бормотание, прозвучал для остальных, как гром среди ясного неба.

Гаэр онемел. Луи застыл. Даже господин Гуд замер. Все трое стояли в ряд, с открытыми ртами и пустыми глазами, как новоиспечённое трио «зомби».

Только Майк, в своей беззаботной детской наивности, дёрнул застывшего Карлоса за полу спросил, глядя на него снизу вверх:

— Джон, а почему тот дядя назвал тебя Карлосом?

Карлос медленно опустил голову и посмотрел на него пустым, почти ледяным взглядом, от которого Майк невольно вздрогнул и, испугавшись, отступил на шаг назад.

Карлос почти слышал, как бьётся его сердце и пульсирует кровь в венах, будто в груди завелась сломанная машина, тарахтящая на пределе, не оставляя места для мыслей. Только спустя какое-то время он вдруг осознал ледяную пустоту в груди, и вся кровь хлынула к его конечностям, оставив его пальцы почти онемевшими.

— Он... обознался, — Карлос выпалил первое, что пришло в голову, не успев даже подумать. И уже в ту же секунду понял, насколько глупо это прозвучало. Но в голове всё гудело, и хотя снаружи он казался безразличным, на деле ничем не отличался от «трио зомби» или «лунатика в белом». В панике он совершил ещё более дурацкий поступок, резко схватив Майка за руку и развернувшись, чтобы уйти из зала.

Он сам не мог поверить, что его первой инстинктивной реакцией стало бегство. Но ноги словно утратили связь с мозгом и, несмотря на внутренние проклятия в свой адрес, шаг за шагом неумолимо вели его прочь.

Этот уходящий силуэт, как кинжалом, полоснул по нервам Альдо, балансирующего между безумием и проблесками ясности. Он оттолкнул загоразживавшего проход господина Гуда и резко выкрикнул:

— Стой!

Архиепископ Альдо всегда говорил тихим голосом и лишь теперь стало понятно, что дело вовсе не в нарочитой таинственности. Только этот крик дал понять, что, вероятно, у него были проблемы с горлом, то ли старая рана, то ли болезнь. Стоило ему лишь немного повысвить голос от волнения, как из глубины вырвался хрип, будто раздирающий на части душу.

Пока Карлос с отчаянием пытался ускользнуть прочь, итак уже яростно коря себя в мыслях, как раз прозвучал резкий приказ архиепископа Альдо, что мгновенно подлил масла в огонь, превратив внутренний конфликт во внешний.

Он замер на месте и, так и стоя спиной к Альдо, опустил Лили на землю и мягко подтолкнул обоих детей вперёд, с наигранно ласковой улыбкой, от которой холодок пробежал по спине:

— Идите, найдите дядю Гаэра.

Затем Карлос засунул руки в карманы пальто – он и без инструкций прекрасно понял, для чего на таких вещах делают карманы, – например чтобы выглядеть крутым... или нарываться на неприятности.

Слегка приподняв одну бровь, он повернулся боком и скользнул взглядом по Альдо. На ком-то другом такой жест выглядел бы дерзко или легкомысленно, но у Карлоса он напоминал какую-то почти безрассудную свободу.

Краешек его чуть тонких губ намеренно приподнялся в колкой улыбке, такой, от которой в груди становилось щемяще больно:

— Ваше Высокопреосвященство, неужели вы хотите что-то приказать такому ничтожному грешнику, как я?

Альдо резко застыл, впервые за долгое время позволяя себе перед кем-то столь живую и противоречивую эмоцию на своём обычно безупречно холодном лице.

Круговорот перерождений и времени уносит многое, но только не ту любовь и ненависть, что впитались в самую суть костей.

Альдо в это утро был уже на грани срыва от череды непрекращающихся потрясений. Воспоминания, выжженные в самой душе, смешались в хаосе с почти призрачной реальностью, пока в его глазах наконец остался лишь один человек. Все эти храмы, барьеры могли бы отправиться куда подальше напрямик в Арктику. Его взгляд был паническим, и он повторял почти машинально :

— Нет... ты не можешь уйти... я не позволю тебе уйти...

Словно желая доказать, что его слова не пустой звук, земля под ногами начала слегка дрожать. Энергии, питающие не только подземелье, но и весь храм, взвились в беспокойстве, отвечая на эмоции Альдо. Этот непревзойдённый мастер построения магических кругов даже не нуждался в привычных жидких носителях, ему хватало воздуха, чтобы превратить его в инструмент.

Господин Гуд и остальные, не колеблясь ни секунды, отступили подальше, ведь если этим двоим понадобится пространство для «выяснения отношений», лучше не стоять на линии огня. Как говорится, когда горят городские ворота, страдают и рыбы в пруду

1. □□□□□□□□ — пострадать ни за что...

— Невероятно... — пробормотал Гаэр.

— Я вдруг понял, что никогда по-настоящему не изучал науку о магических кругах, — прошептал Луи.

— Проснитесь оба, — зло оборвал их господин Гуд. — Храм вот-вот рухнет, сейчас не время играть в стажёров!

Вихри энергии начали сгущаться, закручиваясь в магический круг, уже недоступный для понимания современного человека. Внезапно он преобразовался в гигантскую сеть и обрушился с небес, накрывая зелеглазого мужчину.

Карлос резко обернулся, подол его длинного плаща остро рассёк воздух. Мужчина холодно усмехнулся:

— Если я захочу уйти, неужели ты сможешь меня остановить?

В этот момент тяжёлый меч с грохотом разбил окно в коридоре, скользя по полу и волоча битое стекло, и точно приземлился в руку Карлоса. Меч выглядел древним и грубым, его ножны были покрыты ржавчиной, что казалось, прикоснись и он рассыплется в пыль. Однако Карлос без усилий вытащил меч из ножен, в которых он, казалось, пророс за последние восемьсот лет.

Лезвие клинка уже не сверкало, но от него веяло такой остротой, будто он мог рассечь даже воздух, которым дышишь. Он был наполнен убийственным намерением, которое заставляло людей отступать. Карлос, держа меч обеими руками, с легкостью владел им, и одним чистым и точным движением рассёк магический круг в воздухе.

Движение от начала и до конца было безупречным и чистым.

Гаэр схватился за лоб:

— Он наконец-то осуществил свою мечту и разбил стекло.

— Это не главное... — с потрясением прошептал Луи.

— Главное, — вмешался господин Гуд, указывая на меч в руке Карлоса, — что это же знак Меченосца. Он же должен быть у тебя в кабинете, Луи, не так ли?

— Не смотрите на меня, — Луи пожал плечами. — Хорошо, я не запер шкаф, когда уходил... Но, простите, вы видели, в каком он был состоянии? Я думал, он даже карандаш заточить не способен!

— Нет-нет-нет, — Гаэр в полном смятении замотал головой, отчаянно пытаясь выстроить хоть какую-то логическую цепочку. — Я думаю, это тоже не главное. Главное - это...

Что же?

И тут в разговор неожиданно вклинился детский голос Майка Шоудена, звучный и недоумённый:

— Почему они дерутся?

Три взрослых человека, явно выбитые из колеи, переглянулись. Мозг господина Гуда, пребывавший в спящем режиме, наконец-то с тоской вспомнил о своих прямых обязанностях. Он глубоко вдохнул и закричал:

— Нет, стойте! Прошу вас, остановитесь, господа!

С грохотом, раздавшимся в следующую секунду, Карлос, чья рука была опутана неизвестным магическим кругом и временно обездвижена, с силой ударил по полу, оставив за собой длинную трещину. Камни взлетели в воздух, мощный выброс энергии вызвал резонанс со множеством магических массивов всего подземелья, породив оглушительный гул, от которого у всех заложило уши.

Нет! Наступающее Рождество – это пик туристического сезона. Один неосторожный шаг и всё будет разрушено!

— Лили, — в этот отчаянный момент Гаэр прижал к себе маленькую племянницу и сказал — Плачь. Громко.

Ведь появился какой-то странный дядя Джон, поклялся отвезти их в Сумрачный музей... а потом бросил их и пошёл драться!

Мужчины! Абсолютно нелогичные создания!

Лили с полным осознанием важности момента решила активировать суперспособность, дарованную ей статусом девочки, и разразилась сокрушительным воплем

— УА-А-А-А!!!

Эффект был моментальным. Её громогласный выход буквально разорвал бой между Альдо и Карлосом, остановив разрушение здания.

Боевой пыл ещё не улегся. Карлос мрачно и холодно скользнул взглядом по Альдо. В представлении окружающих он всегда был солнечным, светлым человеком, но сейчас выражение его лица впервые стало таким тёмным и мрачным. В следующую секунду он резко взмахнул рукой, разрезав сковывающий его магический круг. Острие меча скребло по полу, оставляя за собой царапины, а сам Карлос, не обращая внимания на остальных, прошёл мимо Альдо прямо к Лили, которая всё ещё рыдала навзрыд.

Порыв ветра тронул завитки светлых волос Альдо, когда тот проходил мимо. В порыве он схватил Карлоса за запястье уже в который, в десятитысячный, раз и машинально потянулся вперёд, будто боясь, что снова нащупает лишь пустоту... Но на этот раз нет.

Он почувствовал тепло. Реальное, настоящее, живое тепло и Альдо словно очнулся от иллюзии. Он ошеломлённо и с недоверием обернулся, уставившись на знакомое до боли, но теперь хмурое и отчуждённое лицо Карлоса, находившееся в каких-то сантиметрах от него.

Этот человек, который ещё секунду назад был полон ярости, словно безумец, вдруг резко сузил зрачки, а затем, точно обожжённый, отёрнул руку от Карлоса.

— Карл! — прошептал Альдо, его бледные губы заметно дрожали.

Карлос опустил взгляд, в котором таилась буря, прямо в пол... и молча ждал его слов.

Повисла тишина, от которой у всех на голове зашевелились волосы. Альдо вдруг почувствовал

себя маленьким учеником, которого впервые окликнул наставник и задал каверзный вопрос перед всей аудиторией; он полностью растерялся и долго не мог выдать ни слова.

Только когда кончик меча Карлоса слегка скользнул по полу, издав режущий ухо скрип, Альдо словно очнулся и выпалил:

— Прости!

Челюсть Карлоса заметно напряглась, на скулах на мгновение даже проступили чёткие линии мышц. Спустя паузу он опустил взгляд и абсолютно ровным, вежливым, но холодным тоном ответил:

— Нет, это я был невежлив. Прошу прощения, Ваше Преосвященство

Он даже чуть склонился в поклоне, после чего, не поднимая глаз, прошёл мимо него, поднял Лили и аккуратно вытер ей слёзы и сопли, а затем беззаботно сунул грязный платок прямо в карман:

— Всё, принцесса, не плачь. Я отведу тебя в этот... как он там... “жуткий музей”.

— Это... это “Сумрачный музей”, — всхлипывая, поправила его девочка. — Джон дурак... ты точно никогда не найдёшь себе жену!

На лице Карлоса на миг промелькнула натянутая улыбка:

— Как ты скажешь так и будет. Идём, Майк.

Но Майк не двинулся с места. Этот до подозрительного пронизательный мальчишка, прижимая к себе рюкзак, поднял голову и громко спросил:

— Ты Карлос, да? Джон?

Этот откровенно корявый вопрос Майка попал в самую точку и выразил то, о чём молча спрашивали все. Взгляд Альдо стал таким пронзительным, словно он хотел прожечь в Карлосе дыру.

Карлос помолчал немного, затем пожал плечами:

— Да, малыш. Раньше меня звали так.

Воздух, казалось, застыл и стало трудно дышать.

Карлос внезапно осознал, насколько он боится. Этот страх давил на него так, что он не мог даже поднять голову. Беспощадно прямолинейный детский вопрос как будто вынудил его сорвать с себя последний покров, обнажив себя перед всеми. Его бравада рассыпалась, и даже самый лёгкий утренний ветер был способен оставить на нём рану.

Тысячу лет назад Карлос Фларете был человеком, который опозорил фамилию, которой когда-то гордился. А через тысячу лет, тем, кого мир знал как великого героя, был уже не он.

Никто не знал лучше него самого, кем он был на самом деле и что совершил. Все эти приписанные ему «заслуги» были для него лишь более изощрённым унижением.

Он даже не хотел думать о том, почему Альдо, его старый знакомый, который должен быть «мертв» уже тысячу лет, снова стоит перед ним живой. Он отказывался смотреть на выражение лица Гаэра.

— О... — протянул Майк, потом покопался в своём рюкзаке и вытащил ту самую нелепую карточку. Поднявшись на цыпочки, он сунул её Карлосу в руку: — Ну тогда держи. Я обещал тебе это.

Рука мужчины была холодной, как у мертвеца, что Майк быстро отдернул свои пухленькие пальцы.

Карлос закрыл глаза, затем всё же протянул руку и взял карточку. На его губах, наконец, выступила кровь (в смысле приобрел цвет), он натянуто улыбнулся и тихо сказал:

— Спасибо. Но, знаешь, мне кажется, я выгляжу куда круче, чем он. Как ты думаешь?

Майк пожал плечами и с совершенно равнодушным видом ответил:

— А по-моему, он выглядит куда внушительнее. Ну давай уже, веди нас в Сумрачный музей!

Только дети могут быть такими прямыми. У них нет всех этих запутанных, гложащих изнутри чувств, которые даже взрослые сами не всегда понимают. Им всё равно, кто ты — Карлос или Джон, великий герой или сказочный гном. Если они чего-то хотят, они просто об этом говорят. Они всегда знают, чего хотят и что должны делать.

Цель для них всегда одна и предельно ясна.

— Служить вам — моя честь, — ответил Карлос.